

скороговоркѣ тонъ голоса, и увѣренный взглядъ, все обличало дѣятельную хозяйку.

— Временно? — протянула она съ язвительною усмѣшкой. — Да, вотъ ужъ тринадцать лѣтъ, какъ тянется это временное, а конца ему еще не видать. Пробдаемъ свои пятипроцентные, а имѣніе не даетъ ничего, усадьба разваливается, дѣтей воспитывать не на что; съ наемнымъ работникомъ бьемся какъ рыба объ ледъ и въ итогѣ одинъ только неприятности... Ни на кого положиться нельзя, и ни за какія деньги ты не найдешь человѣка, который дѣлать бы свое дѣло по совѣсти. Проси, умоляй, ругайся, жалуйся, хорошо обращайся, дурно — все одинаково: какъ только недоглядѣлъ, такъ ужъ и знай, что либо не сдѣлано ничего, либо сдѣлана тебѣ гадость какаля-нибудь. А управы нѣтъ, или тоже что нѣтъ, потому что не ѣхать же изъ-за всякаго безпорядка за 30 верстъ, добиваться, чтобы тебѣ приудили штрафу какихъ-нибудь два рубля.

— Мелкія тренія, — попробоваль-было опять вмѣшаться мужъ. — Надо понять, разъ навсегда, что безъ этого ни въ какомъ практическомъ дѣлѣ не обойдешься, и не раздражаться... изъ пустяковъ. Надо имѣть въ виду существенное.

— Ахъ, сдѣлай милость, мой другъ, — съ досадою перебила жена: — не умничай ты свысока въ вещахъ, въ которыхъ ты ничего не смыслишь.

Но Петръ Ивановичъ не унимался. — Хозяйство не можетъ идти какъ стѣнные часы.

— Да, надо, однако, чтобы оно плло; а если оно совсѣмъ нейдетъ?.. Если имѣніе, приносившее прежде, въ плохіе года, болѣе тысячи, теперь въ урожаи, даетъ какихъ-нибудь пять-шесть сотъ?.. Легко говорить о существенномъ, когда забота о немъ лежитъ не на нашихъ плечахъ.

Молчаніе. Петръ Ивановичъ сидѣлъ смущенный, супруга его имѣла разгнѣванный видъ.

— Вотъ, я сошлюсь на человѣка, который, какъ я слыхала, самъ у себя хозяйничаетъ. Правду ли я говорю?

— Правду, Лариса Дмитриевна, — отвѣчалъ я, — но кто жъ виновать, если мы, при крѣпостныхъ порядкахъ смотрѣвшіе на себя какъ на отцовъ народа, не позаботились лучше его воспитать? Каковъ ни на есть нашъ мужикъ, онъ несомнѣнно вышелъ изъ нашей школы.

Петръ Ивановичъ украдкою посмотрѣлъ на пріятеля, и они обмѣнялись взглядами затаеннаго торжества; но мадамъ Горно-